

Жорж Байяр

Мишель и старинный фотоаппарат

Приключения Мишеля Терэ

Жорж Байяр

**Мишель и старинный
фотоаппарат**

Байяр Ж.

Мишель и старинный фотоаппарат / Ж. Байяр —
— (Приключения Мишеля Терэ)

Содержание

1	5
2	11
3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Жорж Байяр

Мишель и старинный фотоаппарат

1

На ярмарке становилось все оживленнее. Было всего девять часов утра, но июльское солнце светило ярко. На гравий, которым была посыпана площадь, лежались длинные резкие тени. Припозднившиеся торговцы торопливо вытаскивали из багажников автомобилей, велосипедных прицепов и ручных тележек самые разнообразные вещи, предлагая их любителям старины. Разложенные на импровизированных прилавках, а иногда и просто на куске полотна, постеленном на землю, будильники, таганы, растрепанные книги в потертых переплетах и доисторические радиоприемники соседствовали с предметами мебели самых разнообразных стилей, платьями, обувью и шляпами.

На одном из прилавков стоял древний граммофон с раструбом, однако его хозяин предпочитал приплясывать под песню «Би Джиз», звуки которой, сопровождаемые шипением, вырывались из динамиков его кассетного магнитофона.

К нему подошли три мальчика лет пятнадцати, стараясь попадать в такт «I am satisfied¹!».

Тот из них, что был выше других, немного нескладный темноволосый подросток, замер у стола с коллекцией марок, потом повернулся к друзьям.

– Эй, Даниель! По-моему, тебя это должно заинтересовать! Ты можешь обменять свою шутовину на добрую половину этих марок! – крикнул он.

Круглолицый блондин, к которому он обращался, посмотрел на прозрачные пакетики с марками, а потом перевел взгляд на их владельца, очень худого пожилого мужчину, с улыбкой смотревшего на юного покупателя.

Затем, не говоря ни слова, он взял приятелей под руки и отвел их в сторону. Когда же троица оказалась достаточно далеко от торговца, чтобы тот не мог слышать, о чем беседуют друзья, Даниель заявил:

– Это было неудачное предложение, Артур. Мне не хотелось расстраивать продавца, но марки, которые он предлагает, самые заурядные. Возможно, они годятся для начинающих филателистов, но и только!

– Ну что ж, господин эксперт, побереги свою шутовину до следующего раза! – насмешливо отозвался Артур.

«Шутовинной» он называл новенький фотоаппарат, выигранный Даниелем в лотерею. Мальчик не знал, что с ним делать, потому что у него уже был куда более совершенный «рефлекс».

Третий мальчик, темные волосы которого чуть вились, задержался у одного из прилавков. Друзья повернулись к нему.

– Эй, Мишель! Ты идешь? – позвал Даниель.

Но тот лишь махнул приятелям рукой, так что они решили вернуться и посмотреть, что его так заинтересовало.

На прилавке лежал старый фотоаппарат в корпусе из полированного дерева. Вместо пленки в него вставлялись специальные фотопластинки.

– Дражайший брат! Не понимаю, как ты мог пройти мимо этого чуда и не остановиться! Неужели же тебе не хочется дополнить коллекционирование почтовых марок собиранием фотоаппаратов?!

---

¹ «Я удовлетворен» (англ.) – песня «Би Джиз».

Даниель Дерье, двоюродный брат Мишеля Терэ, подошел поближе.

– Ну-ка... Дай посмотреть... Когда мы проходили мимо, это чудо лежало в футляре! Откуда мне было знать...

– Нюх, старина! Чутье! Вот что отличает настоящего коллекционера!

– Чутье, чутье... – пробормотал Даниель, любуясь фотоаппаратом.

Тот лежал в черном ящичке, обитом изнутри синим бархатом, блестя лакированным корпусом. Только потускневшие медные части и потертый кожаный мех выдавали его возраст.

Продавец, парень лет двадцати, выжидательно смотрел на мальчиков. Длинные белокурые волосы придавали ему некоторое сходство с известным певцом. Джинсовая куртка была украшена металлическими кнопками и бахромой, как у настоящего американского охотника.

Даниелю явно понравилась находка. Он вынул из кармана новый фотоаппарат и показал его парню.

– Хочешь, поменяемся? Смотри, у меня совсем новый!

Тот схватил фотоаппарат, достал его из футляра и внимательно осмотрел.

– Договорились! Я согласен!

Даниель взял с прилавка старинную камеру, сунул ее под мышку и собирался уже уходить, но парень вытащил из сумки тетрадь.

– погоди. Ты должен записать свое имя и адрес, этого требуют организаторы ярмарки... Ведь это старинная вещь, торговцы ими должны регистрировать фамилии и адреса покупателей!

– Да, я слышал об этом, – подтвердил Артур. – Это делается для того, чтобы помешать торговле краденым.

– Какой адрес записать? В Корби или здесь? – спросил Даниель.

Парень безразлично пожал плечами.

– Пусть будет здешний адрес, – решил мальчик и написал: «Даниель Дерье. Врефан, улица Жюль Валлеса, дом мадам Перо».

Продавец протянул ему карточку с надписью: «Жюльен Денуэт, Бутрэ-сюр-Канш, улица Монахов, 12».

– Ну вот и все! – сказал он. – Сделка заключена!

Друзья пошли дальше. Даниель нес свое приобретение на ремне, перекинутом через плечо, и поминутно поправлял его.

– Ну и тяжелая эта штукавина, как ты ее назвал, Артур! Или я ее уроню и разобью, или мне придется вернуться домой, пока этого не случилось!

– То есть как это вернуться?! – запротестовал Артур. – Не забывай, мы должны встретиться с Мартиной!

– Отлично! Я сам как-нибудь доберусь до дома, а на встречу с Мартиной вы отправитесь вдвоем, – ответил Даниель.

– Вот еще! – вмешался Мишель. – Сам купил то, что хотел, а нас теперь бросаешь? Это эгоизм чистой воды!

– Хорошо, я пойду с вами, – согласился Даниель. – Только вы должны мне помочь.

Мальчики ушли с площади, на которой становилось все оживленнее. Почти каждый, кто направлялся туда, нес в руках сверток или корзину с вещами, предназначенными для обмена, намереваясь долго бродить между прилавками в поисках какого-нибудь редкого предмета.

Друзья не жалели о том, что приняли приглашение Мартины Девиль и приехали во Врефан, городок, расположенный неподалеку от Па-де-Кале. Город оказался очень симпатичным, а его жители – милыми и приветливыми.

Однако над одним из кварталов городка – тем самым, где жила бабушка Мартины, мадам Перо, – нависла угроза.

По сути, это был небольшой поселок, находившийся неподалеку от городка. Он состоял из домов, рассчитанных на одну семью и утопавших в зелени ухоженных садов и столетних деревьев.

К несчастью, жители Ситэ-Флери – так назывался поселок – были не хозяевами, а всего лишь арендаторами своих домов, хотя некоторые семьи уже давно переселились сюда. Это позволило ловкому строительному подрядчику купить весь поселок, чтобы соорудить на его месте богатый жилой квартал.

Украшением Ситэ-Флери было большое озеро. Увидев его впервые, друзья не могли не восхититься обширной водной гладью, посреди которой возвышалось несколько островков со стоящими на них рыбацкими шалашами. Берега озера заросли камышом, за ним простирался густой лес.

Подрядчик объявил жителям поселка о выселении, предложив им переехать в большой бетонный дом, построенный недавно на другом конце города.

День, на который было назначено выселение, приближался. Меньше чем через две недели бульдозеры должны были снести все дома поселка. Уже началась рубка деревьев.

Мартина пригласила друзей для того, чтобы те помогли мадам Перо подготовиться к переезду. В новой квартире места было куда меньше, чем в доме, и предстояло определить, какие вещи взять с собой, а какие выбросить. Особенно много хлама было на чердаке: там лежала сломанная мебель, старая одежда, кипы газет и журналов.

Жители Ситэ-Флери решили воспользоваться проведением ярмарки, чтобы организовать последнюю манифестацию протеста против разрушения поселка. Мартина тоже принимала в ней участие, представляя свою бабушку.

Именно на эту манифестацию в Ситэ-Флери и направлялись сейчас друзья.

– Я думал, вы будете помогать мне! – проворчал Даниель, сгибаясь под тяжестью фотоаппарата.

– Для тебя и воробей – непомерная тяжесть! – усмехнулся Артур.

– Это, кажется, из басни Лафонтена²? – спросил Даниель. – Ты сам не знаешь, о чем говоришь, Артур. Ты спутал воробья с рождественской индейкой на двенадцать персон!

Мишель и Артур взяли за ремень футляра и понесли фотоаппарат вдвоем.

Крики манифестантов они слышали издали. Их перекрывал чей-то голос, доносившийся из громкоговорителя. Слова на таком расстоянии разобрать было невозможно. Иногда говоривший умолкал, и тогда снова раздавались свистки и крики.

– Видно, заваруха уже началась! – ухмыльнулся Артур. – Я, кажется, узнаю голос Мартины...

– Ты совсем спятил! – откликнулся Даниель. – Только представь, что она должна испытывать! Через две недели дом ее бабушки пойдет на слом, а соседний лес уже наполовину вырублен.

– Меа силра³, – отозвался Артур. – Обещаю, что никогда больше не буду шутить по этому поводу!

Они были уже совсем рядом с Ситэ-Флери. На лужайке собралось не меньше сотни человек. Один из них, стоя чуть в стороне, продолжал что-то говорить в мегафон.

– Видите? Республиканские гвардейцы! – воскликнул Даниель.

– Да, Фромар хорошо знает свое дело, – сказал Мишель. – Все как положено!

И действительно, метрах в тридцати от толпы выстроились в линию республиканские гвардейцы. Они были в касках, в руках держали щиты и дубинки. Казалось, они защищают стоявшие тут же огромные мощные машины, выкрашенные в желтый цвет: экскаваторы, буль-

---

² Жан де Лафонтен (1621—1695)—французский писатель, знаменит прежде всего своими баснями.

³ Моя вина (лат).

дозеры и кран, на стреле которого висел огромный чугунный шар, предназначенный для разрушения стен. Надписи на машинах извещали, что они принадлежат подрядчику Фромару.

– Мы не позволим, чтобы наш поселок был уничтожен! – восклицал оратор. – Здесь жили наши родители. Почти все мы родились именно здесь. Машины мсье Фромара уничтожат не только дома, но и наши воспоминания, если только мы позволим им сделать это!

Его заявление было поддержано возмущенными криками. Мальчики увидели транспарант с удивившей их надписью. Кривыми буквами кто-то вывел на большом листе бумаги: «Фромар не получит сыра!»⁴

– Да, если Фромару удастся осуществить то, что он задумал, ему достанется недурной куш! – заметил Артур.

Друзья внимательно осматривали толпу, стараясь отыскать среди собравшихся Мартину. Наконец они заметили ее в последнем ряду манифестантов и направились к ней. Девочка тоже увидела приятелей и пошла им навстречу.

Это была спортивного вида загорелая блондинка с короткими волосами, тонкими и правильными чертами лица и большими голубыми глазами, в которых светился живой ум.

По румянцу, заливавшему ее щеки, было видно, как она взволнована.

– Если бы вы знали, до чего я зла! – воскликнула она. – Председатель комитета по защите поселка прав: этот Фромар – настоящий вандал!

– Скажу больше: это настоящий Аттила⁵, – поддержал девочку Артур. – Куда он ни поставит ногу – землю покрывает бетон, и трава там больше никогда не зазеленеет!

Ярость и отчаяние жителей поселка находили выражение в надписях – столь же злых, сколь и бесполезных, – которыми была испещрена дорога и стены окружающих домов: «Долой Фромара!», «Фромар, ты нам надоел!», «Прочь отсюда, вандалы!».

Мишель собирался о чем-то спросить Мартину, но на лице девочки вдруг появилось тревожное выражение.

Приятели обернулись и поняли причину этого: позади манифестантов, охватывая их с тыла, выстраивалась еще одна цепь республиканских гвардейцев.

– Осторожно! – крикнул кто-то. – Они заходят сзади!

Человек с мегафоном тоже заметил угрозу и приказал:

– Расходимся, друзья мои! Врассыпную!

В толпе возникло движение, похожее на панику. Друзья вдруг оказались посреди группы людей, отступавших в сторону, где, как им казалось, выход еще не был перекрыт.

Однако там, преграждая последний путь к отступлению, появилась третья цепь республиканских гвардейцев. Лишь нескольким молодым людям удалось в последнюю секунду перебраться через изгородь и скрыться в ближайших садах.

Скоро манифестанты были окружены со всех сторон.

– Ну вот! – воскликнул Артур. – Мы сломя голову мчались сюда, чтобы помочь Мартине, а в итоге окажемся в какой-нибудь темнице, где нет ничего, кроме охапки сырой соломы.

Но его никто не слышал. Несколько манифестантов попытались пробиться сквозь цепь республиканских гвардейцев, однако безуспешно.

– Дело принимает дурной оборот! – сказал Мишель.

Чувствовалось, что нервы манифестантов напряжены. Они осыпали республиканских гвардейцев непрерывным потоком ругательств. Самым мягким было обвинение, что те продались Фромару.

К толпе подошел унтер-офицер с мегафоном в руке и объявил:

---

⁴ Непереводимая игра слов: созвучное фамилии Фромара французское слово «fromage» (сыр) означает также выгодную, необременительную работу.

⁵ Предводитель гуннов (? – 453), возглавивший опустошительные походы на Галлию и Северную Италию.

– Проверка документов!
– Кто же берет на манифестацию документы! Их здесь ни у кого нет! – воскликнул пожилой мужчина.

– Пропал день, – сокрушенно проворчал другой. – Сейчас они всех поволокут в участок. Мишель, Даниель и Артур не слишком тревожились из-за происходящего. Что же касается Мартины, она беспокоилась прежде всего из-за бабушки.

– Бабушка наверняка будет волноваться, – сказала она. – Как все это глупо! Зачем им понадобилось устраивать проверку документов?!

– Чтобы подорвать ваш боевой дух, мадемуазель, – ответил ей высокий молодой человек в костюме мотоциклиста. – Чтобы вы десять раз подумали, прежде чем решиться защищать свои права!.. А вы что здесь делаете, молодые люди? Надеюсь, у вас нет с собой взрывчатки?!

– Только фотоаппарат, – отозвался Мишель. – Мы пришли сюда с ярмарки.

– Фотоаппарат?! Потрясающе! – воскликнул молодой человек. – А ну-ка доставай его! Мишель повиновался.

– Ты будешь моим фотографом. Времени на разговоры нет. Короче, я журналист. У меня есть пропуск, так что я без всякого труда выберусь отсюда и проведу с собой еще двоих. Один пойдет с фотоаппаратом, а другой с закрытым футляром.

– Дело в том, что нас четверо, – заметил Мишель.

Он кивнул в сторону Мартины и Артура.

Молодой человек задумчиво потер пальцем кончик носа.

– Что ж, попробуем, – решил он. – Вы, девушка, будете моей невестой. Конечно, вы немного молоды, но они не обратят на это внимания. А вы двое будете изображать из себя журналистов-стажеров. О'кей? Тогда вперед!

И молодой человек направился к унтер-офицеру.

– Я из «Курье де ля Тэрнуаз», – заявил он, доставая из кармана удостоверение.

Республиканский гвардеец хмуро посмотрел на него, взял в руки удостоверение, сравнил фотографию с оригиналом и неохотно приказал:

– Порядок. Пропустите его.

– Пойдемте, – кивнул журналист своим новым друзьям. – Это мой фотограф, моя невеста и два стажера, которых редактор направил на манифестацию вместе со мной.

Унтер-офицер недовольно поморщился, но задерживать никого не стал. Мальчики и Мартина вместе с журналистом выбрались из окружения и быстрым шагом направились подальше от места манифестации.

– Не нужно впадать в панику, – посоветовал молодой человек. – Мой мотоцикл стоит недалеко отсюда, на улице Жюля Валлеса...

– Мы живем на этой самой улице! – обрадованно заявил Артур. – Гостим у Мартины.

– Полагаю, что Мартина – это моя... невеста? Разрешите представиться: Ноэль Месмэ, блестящий репортер великолепной газеты «Курье де ля Тэрнуаз»!

– Очень приятно, – вместе сказали Мартина и Мишель. – Меня зовут...

Они умолкли и расхохотались.

– Давай сначала ты, – уступил Мишель.

– Мартина Девиль, – представилась девочка. – Моя бабушка живет на вилле «Глицинии». В соответствии с планом Фромара, эта вилла будет разрушена, как, впрочем, и все дома на улице Жюля Валлеса.

Мальчики тоже назвали себя.

Ноэль Месмэ им очень понравился. Его белокурые волосы и светлые глаза контрастировали с черным кожаным комбинезоном, какие обычно носят мотоциклисты. В нем его атлетическая фигура казалась еще более мощной.

– Как я понял, ребята, вы возвращаетесь с ярмарки подержанных вещей? – спросил журналист. – Раскопали что-нибудь интересное?

– Ничего особенного, – ответил Артур.

– Вы там нашли это чудо? – продолжал Месмэ, показывая на фотоаппарат, который Мишель все еще держал в руках. – Как правило, камеры, где используются фотопластинки, очень надежны. Я уверен, что эта все еще работает, как новенькая!

Мишель подошел к Даниелю и положил фотоаппарат в футляр.

– Обожаю разные старые штуки! – воскликнул журналист. – У меня есть два или три фотоаппарата, которым лет не меньше, чем вашему!

Болтая, они дошли до улицы Жюля Валлеса, которая ограничивала Ситэ-Флери с одной из сторон.

Не меньше полудюжины мальчишек окружили стоявший у тротуара мощный мотоцикл. Они нехотя расступились, пропуская Ноэля Месмэ.

– Может быть, зайдете к нам, мсье? – предложила Мартина. – Бабушка наверняка захочет поблагодарить вас за то, что вы сделали для нас. К тому же после всех волнений вас, наверно, мучит жажда?

Артур энергично замотал головой.

– Этого никак нельзя делать, старушка, – заявил он с самым серьезным видом.

– То есть... То есть как это?! – воскликнула Мартина, которую шуточки приятеля часто заставляли врасплох.

– Ты ни в коем случае не должна показывать этого господина своей бабушке. Ей никогда не оправиться от удара, если ты вот так, сразу, представишь ей своего жениха!

– Балда! – возмутилась Мартина, слегка покраснев и наградив шутника хорошим подзатыльником. – Фу, как ты меня разыграл! Все-таки ты скотина, Артур!

Месмэ улыбнулся.

– Как бы там ни было, хотя наша с Мартиной помолвка только что расстроилась, я не смогу принять ваше приглашение. Мне нужно срочно ехать в редакцию. Я оставлю вам свою визитную карточку. Если вы узнаете что-нибудь интересное по поводу Ситэ-Флери, немедленно звоните мне. До скорого!

Журналист пожал руки своим новым друзьям, сел на мотоцикл, надел шлем, который достал из одной из багажных сумок, и исчез, оставив после себя облако выхлопных газов.

– Симпатичный парень, – решил Артур.

– И притом весьма энергичный! – добавил Даниель.

– Ему не понадобилось много времени, чтобы придумать хитрость и вывести нас из оцепления республиканских гвардейцев, – сказал Мишель.

Друзья неторопливо дошли до конца улицы. Они были в прекрасном расположении духа, чему немало способствовало чувство избавления если не от опасности, то по крайней мере от больших неприятностей.

2

В самом конце улицы, на краю леса, стояла вилла. Она была окружена забором, калитка которого сломалась, а потому постоянно оставалась полуоткрытой. На заборе висела покрытая эмалью табличка, на которой можно было прочесть: «Глицинии».

От улицы дом отделял немного запущенный сад, какие в народе иногда называют «садом кюре». По бокам и сзади он был обнесен довольно высокой кирпичной стеной.

Друзья пошли по аллее, обсаженной самшитом. Она была посыпана мелким песком, сквозь который местами пробивался мох. На неправильной формы клумбах цвели тюльпаны и розы, по сторонам росли кусты бирючины с разноцветными листьями и сирень.

Крыльцо с тремя ступенями вело к входной двери, верхняя часть которой была застеклена и защищена фигурной чугунной решеткой. Фасад дома был наполовину скрыт глициниями, согнувшимися под тяжестью лиловых цветов.

– После того как все это уничтожат, понадобится немало времени, чтобы вновь создать такую красоту, – заметил Мишель.

– Да, бетон не скоро заставишь цвести! – пошутил Артур.

– Повторяешься, старина! – недовольно сказал Даниель.

– Как поется в одной песне, оставь бетон в покое и проваливай, – подвел итог Артур.

Мартина открыла дверь своим ключом. Вслед за ней мальчики вошли в дом и оказались в коридоре с плиточным полом. Однако плитки настолько истерлись, что оставалось только гадать, каким узором они когда-то были украшены. Нижняя часть стен была обтянута искусственной кожей, а верхняя – оклеена выцветшими обоями в цветочек. Тем не менее повсюду царил безукоризненный порядок.

Друзья прошли в гостиную, вдоль стен которой стояли диван и кресла, обитые серым бархатом и покрытые гобеленовыми чехлами с наивными рисунками, изображавшими сцены из сельской жизни. Посреди местами вытертого ковра почетное место занимал невысокий стол.

На него и положил Даниель футляр с фотоаппаратом. Открылась дверь, и в комнату вошла мадам Перо. Бабушке Мартины было шестьдесят. Ее седые волосы были причесаны на прямой пробор и собраны сзади в тяжелый пучок. Эта аккуратная прическа резко контрастировала с одеждой пожилой женщины. Ее слегка расплывшаяся фигура была затянута в оливковый комбинезон, какие обычно носят механики, на руках были садовые перчатки, которые она тут же принялась стягивать.

– Как, уже вернулись?! – удивилась она. – Все прошло хорошо, Мартина?

Девочка состроила недовольную гримасу.

– Скорее плохо, бабушка. Не обошлось без республиканских гвардейцев.

Она в двух словах рассказала, чем завершилась манифестация и как молодой журналист избавил друзей от неприятностей.

– Как, говоришь, его зовут? – спросила мадам Перо.

– Ноэль Месмэ.

– Мне приходилось читать его статьи в «Курье де ля Тэрнуаз». Мне нравится, как пишет этот юноша! А что интересного было на ярмарке?

– Посмотри-ка, бабушка, что принес Даниель!

Девочка вытащила фотоаппарат из чехла и протянула его мадам Перо. Реакция бабушки поразила ее. Улыбка исчезла с губ пожилой женщины, на ее лице застыло напряженное выражение, глаза как-то странно заблестели. Она быстро заморгала и смахнула скатившуюся на щеку слезу, потом покачала головой. Ей пришлось сделать над собой немалое усилие, чтобы снова улыбнуться.

– Прощу меня простить, я слишком разволновалась. У моего отца был точно такой же аппарат. Он купил его еще до того, как я родилась, и первые мои снимки делал именно им. Разумеется, когда в сорок пятом году я вернулась домой из эвакуации, фотоаппарат исчез. Честно говоря, здесь мало что сохранилось из сколько-нибудь ценных вещей. После смерти отца дом был разграблен. Несколько раз здесь квартировали солдаты – сначала немцы, потом союзники. – Мадам Перо взяла фотоаппарат в руки. – Как странно! У меня перед глазами встает картина: отец наводит объектив на резкость...

– Но у него же нет видоискателя! – заметила Мартина.

– И никогда не было, – кивнул Даниель. – Этот аппарат устанавливали на треногу, резкость наводили по матовому стеклу и только потом вставляли светочувствительные пластинки.

– Так оно и было, – подтвердила мадам Перо. – Просто с ума сойти, сколько разных вещей вы знаете, мальчики!

– Но я ничего не вижу! – заявила Мартина, взяв аппарат в руки и направив его в сторону окна.

– Потому что ты не сняла крышку с объектива!

Даниель снял маленький кожаный колпачок Цилиндрической формы, и сразу же на матовом стекле появилось перевернутое изображение окна.

Оно было не совсем резким. Мальчику пришлось покрутить ролик, раздвигая мех аппарата и тем самым перемещая объектив.

– Вот теперь все очень резко! – воскликнула Мартина. – Бабушка права, Даниель: ты все знаешь и умеешь!

Артур хотел подойти поближе, чтобы тоже взглянуть на изображение, но запутался ногой в ремне футляра, взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, и шлепнулся на четвереньки, уронив при этом футляр.

– Вот дьявол! – сердито воскликнул он.

– Ты, кажется, решил заняться сбором грибов? – с невинным видом спросил Даниель. – Но сейчас ведь не сезон!

Футляр лежал на паркете дном вверх, крышка его была открыта.

– Надеюсь, петли не сломались, – сказал Артур. Он поднял футляр, внимательно осмотрел его и заявил, вставая на ноги: – Полный порядок. В старину делали прочные вещи.

– И это большое счастье для таких растяп, как ты, – проворчал Даниель.

Мадам Перо с улыбкой наблюдала за пикировкой приятелей.

Артур уже собирался закрыть футляр, слегка потряхнул его и услышал, как внутри что-то стукнуло.

– Похоже, Даниель, мы рано радовались. Боюсь, я все-таки что-то повредил.

– Только не это! – отозвался мальчик. – Хороша же будет моя коллекция, если ты разбил первый ее экспонат!

Артур поставил футляр на стол, и все подошли поближе, чтобы осмотреть его изнутри. На первый взгляд все было в порядке, но стоило Артуру снова потрясти его, как опять послышался стук.

– Похоже, все дело в днище, – констатировал Артур. – Оно, наверное, отклеилось.

– Тогда тебе придется его подклеить, – решил Даниель. – Я хочу получить футляр в целом виде!

– Можешь считать, что все уже сделано, – бросил Артур. – Мартина, разогрей, пожалуйста, клей!

Девочка, привыкшая к шуткам Артура, несколько секунд стояла неподвижно, не зная, следует ли ей выполнять просьбу. Артур тем временем поднял обитую синим бархатом дощечку, которая, собственно, и составляла днище футляра с внутренней стороны. При этом

показались небольшие бруски из некрашеного дерева, при помощи которых днище крепилось к стенкам. Между ними оставалась небольшая полость.

– Что это еще за штука?! – воскликнул мальчик.

Все увидели, что в полости лежит какой-то пакет желтоватого цвета. Он был довольно плоским, прямоугольной формы.

Мартина достала его из тайника. Пакет был завернут в промасленную ткань и аккуратно перевязан бечевкой.

– Он довольно тяжелый, – сказала девочка. – Что там может быть? И кто мог положить его в такое странное место?

– Пакет был спрятан! – заявил Мишель.

– Спрятан?! – переспросила мадам Перо. – Значит, там что-то очень важное.

– Откроем его, бабушка? – нетерпеливо предложила Мартина.

Та какое-то время колебалась.

– Мне кажется, это было бы нескромно с нашей стороны, – ответила она наконец. – А если речь идет о какой-нибудь семейной тайне? По-моему, мы должны, не разворачивая, передать пакет прежнему владельцу.

– Бабушка! Он же наверняка даже не подозревал о существовании пакета, иначе вытащил бы его, прежде чем отдавать фотоаппарат!

– Ну разумеется! Однако это нисколько не меняет сути дела.

Мальчики, которых нетерпение обуревало не меньше, чем Мартину, не вмешивались в разговор.

– Послушай же, бабуленька! – не унималась девочка. – Мы откроем пакет, а если окажется, что это нескромно, мы сразу же снова перевяжем его и вернем. Пакет, я думаю, лет сорок пролежал в тайнике; те, кого касается его содержимое, наверняка уже умерли. А если и живы, то сейчас они глубокие старики.

– Как я, например? – улыбнулась мадам Перо.

Мартина сделала вид, что рассердилась.

– Я бы тебя за такие слова... – начала она, но не стала уточнять, что именно она сделала бы с бабушкой. Вместо этого она обняла мадам Перо за плечи, поцеловала ее и с прежней настойчивостью спросила: – Ну что?.. Откроем?

Мадам Перо вздохнула и лукаво посмотрела на мальчиков, как бы беря их в свидетели упрямства внучки.

– Ладно, открывай, а то умрешь от любопытства. Только будь осторожна! Промасленную ткань обычно используют, когда хотят сохранить какой-нибудь дорогой или хрупкий предмет.

Мартина мгновенно перерезала бечевку ножницами. Масло засохло, и ткань, которая была пропитана им, затвердела. После того, как девочка медленно развернула ее, показалась вторая обертка, на этот раз бумажная.

Наконец Мартина положила на стол содержимое пакета: восемь негативных фотографических пластинок.

Мальчики, внимательно наблюдавшие за происходящим, по-прежнему хранили молчание. Они были немного разочарованы. Мартина по очереди посмотрела пластинки на свет.

– Вот видишь, бабушка, я была права. Здесь нет ничего особенно интересного. Мы не сделали ничего дурного, открыв пакет.

– И все-таки странно, что кто-то решил его спрятать, – пробормотала мадам Перо.

Кромке пластинок, в пакете оказалась визитная карточка, на которой кто-то написал от руки: «Для ОАИПА».

– Как это может расшифровываться? – спросил Даниель.

– Мало ли... – протянул Артур. – Например, Общество анонимных искателей призраков и астероидов.

Его шутка снова не имела успеха, потому что в это время мадам Перо перевернула визитную карточку – и на лице ее отразилось еще более сильное волнение, чем несколько минут назад, когда она увидела фотоаппарат.

Женщина упала на диван, не в силах оторвать взгляда от карточки, и пробормотала:

– Не может быть! – Слезы, которые до сих пор ей удавалось сдерживать, хлынули по ее Щекам.

– Бабушка! – воскликнула Мартина. – Бабушка, что с тобой?!

Она опустилась на диван рядом с мадам Перо и обняла ее за плечи – но, взглянув на карточку, тут же вскочила на ноги.

– Значит... Значит... Так это аппарат дедушки Эжена?!

Пожилая женщина утвердительно кивнула. Ей наконец удалось справиться со слезами.

– Никак не могу в это поверить, – проговорила она глухим от волнения голосом. – Вы принесли фотоаппарат моего отца. Просто невероятно!

– В этом нет ничего невероятного, бабушка, – возразила Мартина. – Я почти уверена, что мы могли бы узнать среди вещей, продаваемых на ярмарке, и другие предметы из этого дома! Только вот мы никогда не видели их раньше! Не исключено, что дом разграбили местные жители. Например, из Бутрэ-сюр-Канш, это же совсем рядом!

Мальчики были поражены. Они никак не могли осмыслить случившееся.

– Я должна кое-что вам объяснить, – сказала мадам Перо. – Мой отец, Эжен Марньи, всю жизнь прожил здесь, в этом доме. Здесь родились мои братья и я. Когда я вышла замуж, то переселилась в окрестности Марсея. Поэтому после перемирия, заключенного в сороковом году, отец жил здесь один, и никто из нас не мог к нему приехать. Он оказался в зоне оккупации, и мы могли переписываться только при помощи специальных почтовых открыток с заранее отпечатанным текстом, таким, например: «Я чувствую себя хорошо (плохо)». Последнюю открытку я получила в сорок третьем году, незадолго до его смерти. И вот я нахожу в этом пакете его визитную карточку...

И мадам Перо быстрыми шагами вышла из комнаты, вероятно, для того чтобы без свидетелей предаться грустным воспоминаниям.

– Вот это совпадение! – воскликнул Мишель. – Похоже, Даниель, ты сделал крупное открытие!

– Ты так думаешь?

– Я уверен, что мсье Марньи не стал бы отклеивать дно футляра и прятать под ним фотопластинки, предварительно самым тщательным образом упаковав их, если бы не считал их крайне важными!

– Ну, раз ты так считаешь... Но при чем здесь ОАИПА?

– Признаться честно... – начал Мишель. – погоди! Кажется, я догадался...

Он бросился в соседнюю комнату, принес оттуда телефонную книгу и принялся лихорадочно листать ее.

– Вот! – воскликнул он наконец. – ОАИПА – это Общество археологических исследований провинции Артуа.

– Как тебе это пришло в голову? – спросил Артур.

– Дело в том, что мой отец – член ОАИПП. Это такое же общество, но провинции Пикардия. У меня как будто что-то щелкнуло в голове: там «ПП», здесь – «ПА».

– Значит, пластинки предполагалось послать в археологическое общество? – спросил Даниель.

– Судя по всему, да, – согласился Мишель. – Нужно попытаться получить с них отпечатки, тогда мы сразу увидим, о чем идет речь. Как жалко, что мы не в Корби, у себя дома! Там это не заняло бы много времени!

Мартина, стоявшая у окна, прислонившись лбом к стеклу, повернулась к друзьям и сказала:

– Бабушка потрясена... Я, конечно, не знала дедушку Эжена... Точнее говоря, он приходится мне прадедушкой... Но когда я узнала, что это его фотоаппарат, во мне что-то перевернулось!

Мадам Перо вернулась в гостиную, неся с собой металлический ящичек. Она улыбалась, но на лице еще были заметны следы слез.

– Я кое-что покажу вам, – сказала она. – Я, кажется, упоминала, что мы с мужем до сорок пятого года жили в свободной зоне. Но вы, может быть, не знаете, какова была ситуация во Франции в то время?

– Мы кое-что знаем об этом, мадам, – заверил пожилую женщину Мишель. – На уроках истории нам рассказывали, что Франция была разделена на три зоны: запретную, оккупированную и свободную. По крайней мере, так было до сорок второго года, когда немцы оккупировали всю страну.

– Тогда вы должны знать, что для перехода из одной зоны в другую нужен был специальный пропуск, получить который было очень трудно. Мы узнали о смерти отца лишь через две недели после бомбардировки, во время которой он погиб. Я храню его последнюю открытку.

Мадам Перо открыла ящичек, где хранила дорогие для нее вещи, и достала из него продовольственные карточки. За ними последовала почтовая открытка, отпечатанная на желтой бумаге. Эжен Марньи зачеркнул в ней слово «плохо», оставив «я чувствую себя хорошо».

– Обратите внимание на две строчки внизу, – посоветовала мадам Перо. – Они довольно странные... До сегодняшнего дня у меня не было ни малейшего представления о том, что они могут означать.

В самом деле, две строчки на открытке были оставлены свободными, чтобы отправитель мог дописать несколько слов.

– «Я сделал удивительное открытие в раю Кандида», – прочла Мартина. – В раю Кандида?! Может быть, имеется в виду роман Вольтера⁶? Но при чем здесь это?

– Отец был вольтерьянцем. Мы с мужем поняли намек, когда вспомнили последнюю фразу романа. Главный герой, Кандид, говорит: «Чтобы быть счастливыми, будем возделывать наш сад!»

– Я поняла! – воскликнула Мартина. – Наверно, дедушка нашел что-то важное в саду! Знаешь, бабушка, Мишель догадался, что такое ОАИПА. Это археологическое общество... Или общество по изучению археологии, если так тебе больше нравится.

Мадам Перо задумалась, нахмутив брови.

– Значит, папа хотел, чтобы пластинки были обязательно посланы в это общество? Тогда мы так и должны поступить. Никто не сможет обвинить меня в том, что я пренебрегла волей отца!

– Разве только это общество больше не существует! – опрометчиво заметила Мартина. Мишель улыбнулся.

– В прошлом году оно еще существовало, иначе не упоминалось бы в телефонной книге.

– Ты прав... Я сморозила глупость. Но мне кажется, что сначала мы должны сделать с негативов отпечатки. Хочется увидеть, что именно отыскал дедушка Эжен в своем саду. Ведь фотографии наверняка как-то связаны с открытием в этом «раю Кандида», правда?

– Ты права, Мартина. Завтра же я отнесу пластинки в лабораторию, а отослать их в ОАИПА мы можем и потом!

– Жаль, что у нас в доме нет фотоувеличителя! – вздохнула девочка. – Мишель и Даниель умеют печатать фотографии. Мы получили бы снимки уже через несколько минут.

---

⁶ Псевдоним Мари Франсуа Аруэ (1694—1778), французского писателя и философа-просветителя.

Мадам Перо снова погрузилась в глубокую задумчивость, потом сказала:

– Досадно, что сегодня воскресенье. Мсье Барле, наш сосед, занимается фотографией, но я не могу беспокоить его в выходной день, да еще с утра.

Мальчики переглянулись.

– В этом нет ничего неудобного, бабушка, – сказала Мартина. – Попроси его помочь нам. А хочешь, я сама схожу к нему?

Мадам Перо снисходительно улыбнулась нетерпению внучки.

– Хорошо, я схожу к нему, – проговорила она. – Извинюсь, как смогу.

Она ушла, захватив с собой пластинки, снова завернутые в промасленную ткань. Друзья принялись оживленно обсуждать случившееся. Тайна, к которой они оказались причастны, захватила их, и разгадки оставалось ждать совсем недолго.

Однако когда мадам Перо вернулась, по ее лицу было видно, что надежды друзей не оправдались.

3

– Мсье Барле отправился ловить рыбу, – сказала она. – Его жена предложила вам воспользоваться его фотолабораторией, но я еще не решила, можем ли мы принять это предложение. Мне кажется, это будет не совсем удобно.

– Да ничего подобного, бабуленька! Тем более соседка не возражает! Мишель! Даниель! Вы согласны со мной?

Мальчики кивнули и чуть заметно улыбнулись, что должно было означать: «Мы-то согласны, да что из того?»

Мадам Перо протянула пакет с пластинками Мишелю.

– Ну что ж, как хотите! Честно говоря, мне и самой очень любопытно посмотреть на эти снимки. Я провожу вас и представлю мадам Барле.

Вслед за бабушкой Мартины друзья направились к дому ее соседки. Мадам Барле оказалась маленькой, пухленькой, очень приветливой женщиной. Она отвела мальчиков в чулан, где было все необходимое оборудование.

– Надеюсь, вы знаете, что к чему, потому что я совершенно не разбираюсь в фотографии, – сказала она.

– Ну конечно, мадам. В фотопечати нет ничего сложного, а все реактивы у вашего мужа снабжены этикетками. Обещаем, что оставим все в полном порядке, – заявил Даниель.

– Я нисколько в этом не сомневаюсь. Оставляю вас здесь одних. Удачи вам!

Двоюродные братья заперлись в чулане. Первым, что бросилось им в глаза, был пульт управления освещением. Это навело их на мысль сделать увеличенные отпечатки с каждой пластинки.

– Сначала определим время выдержки, – решил Мишель. – Ты захватил свои часы?

Он включил красный фонарь, положил лист фотобумаги под увеличитель и прикрыл его куском картона, который хозяин лаборатории, судя по всему, использовал для этой же цели.

После этого он вставил одну из пластинок в увеличитель, и работа началась. Каждую секунду кусок картона отодвигался в сторону приблизительно на сантиметр. В итоге та полоска фотобумаги, которая была открыта первой, подверглась более длительному воздействию света, чем следующая за ней, та – более продолжительному, чем третья, и так далее.

– Так, теперь в проявитель, – сказал Даниель.

Они заранее налили реактив в кювету. На листе бумаги стало постепенно появляться изображение. Оно шло полосами – от темных к самым светлым. Мальчики промыли отпечаток, положили его в фиксаж и пришли к выводу, что лучший результат был получен при выдержке в три секунды.

Потом они внимательно изучили остальные негативы и решили, что при печати с них можно использовать такую же выдержку.

– Все негативы были получены с использованием одинаковой экспозиции, – заметил – Даниель. – Контрастность тоже одинаковая. Начинаем печатать!

Мишель работал с увеличителем, Даниель взял на себя проявление и фиксаж. Для просушки отпечатков мальчики использовали электроглянцеватель.

Вся работа заняла полчаса. Посмотрев снимки, братья так и не поняли, что на них изображено. Лишь в отношении одной из фотографий у них не оставалось сомнений: на ней отчетливо были видны два землекопа.

Мальчики привели все в порядок и вышли из лаборатории.

Услышав звук закрывающейся двери, появилась мадам Барле.

– Все прошло хорошо? – спросила она, бросив любопытный взгляд на фотографии, которые держал Мишель.

Тот не знал, следует ли рассказывать соседке всю историю снимков. Но потом решил, что, раз фотографии ему не принадлежат, лучше будет воздержаться и сделать вид, что не понял вопроса.

– Да, мадам, мы все поставили на место. Только не выбросили мусор из корзины для бумаг. Впрочем, там всего один пробный отпечаток. У вашего мужа отличная фотолаборатория. Огромное вам спасибо!

И двоюродные братья откланялись, покинув дом мадам Барле, которая была явно разочарована таким ответом.

– Все готово! – объявил Мишель, входя в гостиную.

Мартина и ее бабушка принялись торопливо просматривать фотографии. Одну из них мадам Перо показала мальчикам.

– Даже если бы вы сделали только этот снимок, то поработали бы не зря. Это, вероятно, последняя фотография моего отца. Вот он стоит, опершись на лопату. Какой у него гордый вид!

Мальчики тоже принялись разглядывать отпечаток. На нем были изображены двое мужчин в рабочей одежде. Один из них, седоволосый, был довольно стар; другому было не больше семнадцати-восемнадцати лет.

– Кажется, я знаю, при каких обстоятельствах была сделана эта фотография, – сказала мадам Перо. – Когда я вернулась сюда, соседи рассказали, что отец вырыл щель рядом с оградой сада, чтобы укрываться там от воздушных налетов. Этот юноша, наверно, помогал ему. Отец боялся, что, если начнется бомбардировка, его может засыпать обломками дома. Какая ирония судьбы! С виллой ничего не случилось, а сам отец был убит в саду!

Мадам Перо была так взволнована, что на несколько секунд забыла о снимках, но потом быстро просмотрела их все.

– Ничего не понимаю, – сказала она. – Зачем понадобилось отцу фотографировать стену сада?

И действительно, на фотографии была видна кирпичная стена. Необычной на ней была только табличка с черной стрелкой, указывающей вниз.

– Больше всего меня удивило то, что соседи не заметили в поведении отца ничего странного, если, конечно, не считать рытья щели, – продолжала пожилая женщина. – Если бы он сделал какое-нибудь важное открытие, то наверняка бы рассказал им о нем, правда?

Другие снимки изображали лестницу, сделанную из положенных горизонтально бревен; подземную галерею, свод которой поддерживался прочными деревянными опорами; основание стены, земля от которого была отброшена в сторону, и стол с лежащими на нем осколками керамики и другими предметами.

– Все это довольно любопытно! – заметила Мартина.

– Немного напоминает археологический раскоп, – добавил Мишель.

– Если это и есть то самое открытие в раю Кандида, то ты права, бабушка: очень странно, что дедушка Эжен никому о нем не рассказал. Я имею в виду, конечно, близких ему людей.

Мадам Перо покачала головой.

– Знаешь, когда пожилой человек живет один, у него часто меняется характер. Мне кажется, что он стал сторониться соседей. Вполне возможно, он не стал сообщать об открытии, чтобы не привлечь к нему внимания оккупационных властей.

– Наверно, так оно и было, бабушка. И все равно странно, что ты не обнаружила больше ничего, что было бы связано с предметами, изображенными на снимках. Никаких документов или записей...

– Ты же знаешь, в доме стояли солдаты, он был разграблен... Север Франции, особенно эта его часть, очень пострадал от военных действий. Здесь находились немецкие установки ФАУ-1⁷. Естественно, что авиация союзников постоянно наносила по ним бомбовые удары.

После этих объяснений все на какое-то время умолкли.

– И все-таки удивительно, что в саду не осталось никаких следов щели! – заметил Артур.

– Частично она была засыпана взрывом бомбы, – сказала мадам Перо. – Кроме того, соседи признались, что использовали ее обшивку на дрова. К тому же они перекопали часть сада и посадили там картошку. Понятно, что теперь там ровное место! И я нисколько не осуждаю этих людей. Жизнь в те времена была такой тяжелой! Чтобы выжить, приходилось засеивать каждый клочок земли.

Друзья хорошо представляли себе то, о чем говорила хозяйка дома, потому что совсем недавно в одной из телепередач видели кинохронику тех времен.

– Если судить по надписи на визитной карточке вашего отца, он хотел передать фотографии ОАИПА, – проговорил Мишель. – Наверно, он был членом этого общества?

– Даже не знаю, Мишель. Впрочем, это вполне возможно. И что же из этого следует?

– Может быть, ваш отец направил те документы, о которых только что упоминала Мартина, в это общество?

– Как мы можем это узнать? – вздохнула мадам Перо.

– Все подобные общества время от времени издают бюллетени с отчетом о своей деятельности. Мой отец получает некоторые издания такого Рода и иногда дает их нам с Даниелем. Там порой встречаются очень интересные вещи. Не исключено, что среди старых бумаг на вашем чердаке сохранилось несколько таких бюллетеней.

– Очень может быть... Там столько старых бумаг! Мне кажется, Мишель, вас очень заинтересовала эта история?

Мальчик улыбнулся.

– Это действительно так, мадам. Дело в том, что мне в голову пришла одна мысль... Допустим, что ваш отец сделал важное открытие, которое могло бы заинтересовать археологов. Тогда Управление по охране исторических памятников могло бы занести место, где сделаны находки, в специальный реестр...

– И тогда план Фромара провалится! – воскликнула Мартина. – Потрясающе! Великолепно! Ты молодчина, Мишель!

– В этом никто не сомневался! – поддержал девочку Артур.

Мадам Перо понадобилось некоторое время, чтобы признать правоту Мишеля.

– К сожалению, через две недели все жители поселка должны быть выселены из своих домов, – вздохнула она. – И боюсь, что одних только этих снимков окажется недостаточно для занесения Ситэ-Флери в реестр исторических памятников.

Это был голос разума, однако друзья не собирались отказываться от своего замысла. Предложение Мишеля породило в них надежду...

– Как бы там ни было, ничто не мешает нам отправиться на чердак и покопаться в старых бумагах, – сказала Мартина. – Там вполне могут оказаться бюллетени общества.

– Ты права, – согласилась бабушка. – Все равно эти бумаги придется перетаскать вниз и сжечь. А я тем временем приготовлю вам вкусный обед!

Прятели бегом бросились вверх по лестнице, ведущей на чердак, как будто от их скорости зависела судьба Ситэ-Флери.

---

⁷ Неуправляемые реактивные снаряды, использовавшиеся во время II мировой войны немецкой армией для бомбардировок Лондона и южной части Англии. (Примеч. автора.)

* * *

И мальчикам, и Мартине разборка вещей на чердаке казалась чем-то похожим на увлекательную игру, хотя на чердаке царил полумрак и все предметы были покрыты толстым слоем пыли и паутины.

Особое внимание ребят привлекли газеты и журналы. Они вышли более сорока лет назад, и те новости, о которых в них сообщалось, давно стали историей.

К несчастью, бумаги были в полном беспорядке. Поэтому приходилось брать пачку за пачкой, развязывать веревки, которыми они были связаны, и тщательно просматривать газеты и журналы при тусклом свете, лившемся из маленького окошка.

Артур первым обнаружил один из бюллетеней ОАИПА.

– Май сорок третьего года! – воскликнул он.

– Просмотри содержание, – посоветовал Мишель.

Артур так и Сделал.

– Ничего, что касалось бы мсье Марньи.

На всякий случай он полистал журнал, но не нашел ничего, что было бы так или иначе связано с Врефаном и его окрестностями.

Мишель подошел к приятелю.

– «Выходит два раза в год», – прочел он на обложке бюллетеня. – Обычно в таких случаях один номер выпускается весной, а другой осенью.

Поиски продолжались. Друзья обнаружили два бюллетеня за 1941 год и начали уже терять надежду, когда Мишель вдруг воскликнул:

– Вот он! Октябрь сорок третьего! Второй номер за этот год.

– Значит, сюда его принес не дедушка Эжен, а кто-то другой, – заметила Мартина.

– Тем не менее здесь может упоминаться о его сообщении, – возразил Даниель.

Мишель тем временем пробежал глазами содержание.

– Сомневаюсь, что мы отыщем здесь что-нибудь новое, – сказал он. – Впрочем... Слушайте! «Прощание с Эженом Марньи. Протокол заседания от 11 мая 1943 года. Господин председатель открыл заседание словом прощания с недавно погибшим членом нашего общества Эженом Марньи. Он сказал:

– Дамы и господа!

Дорогие друзья! Я вынужден с прискорбием объявить вам, что с нами нет больше нашего коллеги и доброго друга Эжена Марньи. Он стал одной из жертв воздушного налета 5 мая, который вверг в траур Врефан и его окрестности. Мне сообщили о печальном событии, и я от вашего имени присутствовал на похоронах нашего коллеги вместе с теми из его друзей, которых успел предупредить. Как это ни горько, но родственникам покойного, которые живут в свободной зоне, не удалось вовремя сообщить о случившемся, и поэтому к последней обители его сопровождали только мы и несколько жителей Врефана. Мы еще сильнее скорбим о кончине мсье Марньи потому, что он собирался сделать чрезвычайно важное сообщение и просил меня включить в повестку дня сегодняшнего заседания его обсуждение. Смею надеяться, что в лучшие времена, которые, возможно, скоро настанут, наследники нашего друга смогут хотя бы отчасти возместить нам эту потерю. Предлагаю вам, дорогие коллеги, почтить память Эжена Марньи минутой молчания».

Друзья тоже замолчали. Им казалось очень странным то, что в связке старых газет они обнаружили не только слово прощания с близким родственником Мартины, но и подтверждение вывода, сделанного на основе находки, которая досталась им совершенно случайно.

Первым нарушил тишину Артур.

– Интересно, почему общество археологических исследований не послало запрос наследникам, в частности, бабушке Мартины, чтобы хотя бы справиться о судьбе открытия мсье Марньи? – спросил он.

– Вполне возможно, что через два года никто в ОАИПА уже не помнил о предполагавшемся сообщении дедушки Эжена, – сказала девочка. – На всякий случай я, спрошу об этом бабушку. Отложи в сторону этот бюллетень, Мишель, я хочу показать его ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.